

Черная Алина Дмитриевна

Преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия

Демяненко Алина Вадимовна

Преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Рассматривается проблема наследования цифровых активов в Российской Федерации. Исследуется дуалистическая природа цифровых финансовых активов, которые, с одной стороны, формально признаны объектами гражданских прав в соответствии с российским законодательством, а с другой – обладают специфическими характеристиками, создающими системные препятствия для применения классического механизма универсального правопреемства.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, наследственное право, цифровая собственность

Процесс цифровизации общества детерминирует становление цифровой экономики и формирование новой формы имущественных отношений — цифровой собственности, репрезентированной, в частности, в виде цифровых активов. Последние выступают в экономическом дискурсе как особая форма выражения цифровой собственности. Несмотря на то, что правовой режим цифровой собственности уже получил легальное признание в ряде юрисдикций, включая Гонконг, ЕС, Казахстан, Россию, США и Тайвань, ее правовая природа продолжает оставаться предметом острой научной полемики.

В Российской Федерации легальная дефиниция цифровых прав закреплена в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Вторая необходимая для определения правовой природы норма, содержится в статье 1 Федерального закона № 259-ФЗ, согласно которому цифровыми финансовыми активами признаются: «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг,

которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы». Однако доктринальные подходы к их толкованию и объему продолжают существенно дивергировать. Данный концептуальный разрыв обусловлен объективной сложностью формализации тех динамичных трансформаций, которые цифровая среда имплантирует в систему традиционных правовых норм и отношений. В отличие от российской цивилистической модели, фокусирующейся на оборотоспособности, в международном правовом поле доминирует более широкая трактовка, ассоциирующая цифровые права с гарантией доступа к информационным ресурсам как к фундаментальному праву личности.

Особую актуальность проблема правовой квалификации цифровых активов приобретает в контексте наследственного права, что подтверждается формирующейся судебной практикой. Высокая доходность таких активов, зачастую превосходящая рентабельность традиционных активов, таких как недвижимость, объективно актуализирует вопрос об их переходе по наследству.

Правовой режим цифровых финансовых активов (далее - ЦФА) обладает рядом специфических черт, которые создают системные сложности при их переходе в порядке наследования. К числу ключевых особенностей, релевантных для наследственного права, относятся:

— Нематериальная природа и системная опосредованность. ЦФА не имеют вещественного воплощения, а их выпуск, учет и оборот осуществляются исключительно в рамках децентрализованной или централизованной информационной системы, что обуславливает их ограниченную оборотоспособность в пределах данной цифровой среды.

— Техническая сущность. ЦФА по своей сути представляют собой уникальный код (криптографическую запись), идентификация и использование которого возможны только с применением специальных технических средств и программного обеспечения.

— Строгая персонификация. Каждому ЦФА или праву доступа к нему соответствует конкретный владелец, легитимация которого обеспечивается через уникальный ключ или запись в системе. Только управомоченное лицо обладает

правомочием инициировать операции с активом, включая внесение записей о его переводе.

Данный комплекс особенностей порождает две основные проблемы в сфере наследственных правоотношений.

Во-первых, это проблема правовой квалификации состава наследственной массы. С одной стороны, в нее бесспорно входит сам ЦФА как объект гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). С другой стороны, наследственная масса в отношении ЦФА имеет сложную, двухкомпонентную структуру, включающую: сам цифровой актив; Исключительное право на использование уникального кода доступа (приватного ключа) к информационной системе, в которой этот актив учтен. Реализация прав на ЦФА возможна лишь при наличии обоих компонентов, находящихся в неразрывной связи. Отсутствие ключа доступа де-факто парализует право собственности на сам актив, делая его недоступным для правопреемника.

Во-вторых, возникает практическая проблема реализации наследственных прав. Наследники, не обладающие технической возможностью (в виде ключа доступа) для внесения изменений в реестр информационной системы и легитимации себя в качестве нового владельца, лишены возможности осуществить правомочия в отношении унаследованных ЦФА. Таким образом, традиционный механизм универсального правопреемства сталкивается с технологическим барьером, требующим разработки специальных процедур легитимации наследников в цифровой среде.

В настоящее время единообразная правоприменительная практика наследования цифровых активов отсутствует. Ключевую роль в регулировании этого процесса, особенно в зарубежных юрисдикциях, играют судебные прецеденты и внутренняя политика информационных посредников (платформ, провайдеров услуг). Так, возможность наследования аккаунта в социальной сети иного цифрового объекта напрямую зависит от пользовательского соглашения соответствующего сервиса. Дополнительным осложнением выступает трансграничный характер многих наследственных отношений, связанных с цифровой собственностью, когда наследник и информационный посредник находятся в разных государствах, что порождает коллизию правовых норм.

Можно выделить ряд системных проблем, препятствующих реализации наследственных прав в цифровой сфере:

1. Проблема выявления актива: Наследник может не обладать информацией о наличии у наследодателя цифровых активов (например, криптовалютных кошельков).

2. Проблема анонимности и усмотрения платформы: Актив может быть зарегистрирован на анонимное имя, а его передача наследнику остается на усмотрение арбитража системы, как это практикуется, например, в WebMoney.

3. Проблема правовой квалификации: В отношении некоторых активов, таких как доменные имена, классический режим наследования неприменим, поскольку правоотношения между регистратором и наследодателем носят обязательственный характер (строятся на договоре оказания услуг) и, согласно ст. 1112 и 128 ГК РФ, не входят в состав наследственной массы.

В сложившейся ситуации сложился механизм квазинаследования, при котором информационные посредники самостоятельно устанавливают и реализуют процедуры перехода прав на активы, размещенные в их экосистемах, фактически подменяя собой функции законодателя.

Обязательным условием для легитимации перехода цифровых активов является участие нотариуса. Однако ключевым вызовом здесь остается информированность наследников и самого нотариуса о существовании таких активов, особенно в условиях анонимности наследодателя.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее надежным, хотя и экстраординарным, способом для завещателя обеспечить передачу цифровых активов является их включение в завещание с использованием механизма банковской ячейки для хранения данных доступа, что позволяет обойти часть указанных выше правовых барьеров.

Так же эффективность наследственного договора при наследовании цифровых активов проявляется в следующих аспектах:

Идентификация и легитимация объектов наследования. Цифровые активы, существующие в нематериальной форме и часто известные ограниченному кругу лиц, требуют точной юридической фиксации. Наследственный договор позволяет не только зафиксировать перечень ЦФА, но и детально описать их с привлечением специалистов (криптографов, IT-аудиторов), что минимизирует риски их утраты или оспаривания.

Формализация процедуры передачи прав. Ключевой проблемой наследования ЦФА является передача прав доступа (приватных ключей, паролей), без которых

формальное приобретение актива становится бесполезным. Наследственный договор может содержать детально регламентированный порядок передачи такой конфиденциальной информации, обеспечивая правопреемнику реальную возможность вступить во владение унаследованными цифровыми активами.

Таким образом, наследственный договор не просто дублирует функцию завещания, а предлагает комплексный инструмент, адаптирующий традиционный институт наследования к специфике цифровой экономики.

Таким образом, дальнейшее развитие наследственного права в условиях цифровой трансформации требует не столько расширения перечня объектов, сколько разработки специальных процессуальных механизмов, обеспечивающих реальный, а не формальный переход цифровой собственности, что является насущной задачей для современного законодателя и правовой доктрины.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. – режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/

3. Волос А.А. Наследственный договор в цифровую эпоху. – Текст: электронный / А.А. Волос // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021.-№ 3. С 156-161. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennyy-dogovor-v-tsifrovuyu-epohu> – DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-156-161. – EDN: HVWZZI.

4. Лазаренкова, О. Г. К вопросу о цифровых правах, а также цифровой учётной записи в наследственных правоотношениях / О.Г. Лазаренкова // Наследственное право. – 2019. – №3. – С. 24-29. – EDN: WDJLML.